

Плеть со свистом опускалась на спину, оставляя после себя жгучую боль, но куда невыносимее боли были пронизывающий холод и гнетущее чувство полного бессилия. Су Чэ грубо дернули вверх, и тяжелая деревянная колодка едва не сломала его тонкую шею. Колонна ссыльных, словно умирающий червь, с трудом извивалась в грязи под холодным дождем.

Каждый шаг давался с невероятным трудом. Легкие, точно дырявые мехи, при каждом вдохе издавали хриплый свист, пронзаемый иглами боли. Зрение начало мутнеться, однако разум оставался пугающе ясным. Он понимал: это признаки шока, и если не принять меры, этот организм вскоре окончательно откажет.

— Воды... умоляю, дайте хоть глоток воды... — впереди пошатнулся и рухнул старик, его голос был слаб, как писк комара.

Конвоир, чертыхаясь, подошел к нему и пнул ногой:

— Старый хрыч, от тебя одни проблемы! Вставай!

Старик сжался в комок, не в силах пошевелиться.

Сердце Су Чэ сжалось. Инстинкт врача был готов подавить осторожность, необходимую для выживания. Но сейчас он сам едва держался на ногах, и любой необдуманный поступок мог стоить ему жизни. Он до крови прикусил нижнюю губу, заставляя себя отвести взгляд, и ногти глубоко впились в ладони.

Однако упавшая фигура странным образом наложилась на воспоминание о пациенте, которого он когда-то не смог спасти на операционном столе.

Нет!

Он резко вдохнул, и ледяной воздух обжег горло. Су Чэ посмотрел на конвоира, который продолжал пинать старика, и произнес хриплым, но отчетливым голосом:

— Господин военный... он... он не ленится. У него тепловой удар и обезвоживание, начался коллапс... Если не дать воды, он умрет.

Конвоир замер, словно не ожидая, что этот молчаливый юноша, который, казалось, только и ждал смерти, вдруг подаст голос, да еще и произнесет слова, которых он не понимал.

— Коллапс? Что за чушь ты несешь? Сдохнет — и ладно, меньше еды переводить!

— Господин военный, — Су Чэ изо всех сил старался сохранить ровный тон, хотя его тело мелко дрожало от холода и слабости, — если ссыльных умрет слишком много, то по прибытии в

пункт назначения по спискам не сойдется число. Если начальство начнет допытываться, боюсь... вам, господа, тоже не поздоровится. Глоток холодной воды, возможно, позволит ему пройти еще несколько ли. Для вас это ничего не стоит.

Он искусно избежал медицинских терминов, перейдя к тому, что больше всего волновало собеседника — к его собственной выгоде. Конвоир действительно заколебался, посмотрел на лежащего старика, затем на других шатающихся людей в длинной колонне, выругался, но все же отвязал от пояса флягу и грубо влил в рот старику несколько глотков.

От холодной воды старик пришел в себя. Он все еще был слаб, но хотя бы задышал.

Конвоир пнул Су Чэ:

— Вечно ты лезешь не в свое дело! А ну, шагай! — но удар был несильным.

Су Чэ пошатнулся и молча побрел дальше. Однако среди ссыльных, чей взгляд до этого был пустым и остекленевшим, в глазах тех, кто находился рядом, промелькнуло едва заметное, слабое изменение.

Вечером колонна остановилась на ночлег в безветренном горном ущелье. Им позволили немного отдохнуть и выдали по порции жидкой каши, в которой отражалось небо, и твердые, как камни, лепешки.

Су Чэ прислонился к ледяной скале, маленькими кусочками сглатывая лепешку, которая, казалось, могла прорезать пищевод. Каждый укус требовал предельного напряжения сил. Он внимательно осматривал окружение, пока взгляд не остановился на нескольких невзрачных темно-зеленых растениях в расщелине скалы.

Саньци? Пусть молодые, но хоть что-то. Помогут остановить кровь и снять воспаление.

Пользуясь тем, что стража не смотрит, он медленно подобрался ближе и связанными в колодку руками с трудом сорвал несколько листьев. Разжевав их, он осторожно приложил кашицу к ранам на запястьях, которые натерла колодка. Холодок на время притупил жгучую боль.

В этот момент рядом послышался сдавленный стон.

Он обернулся: это был тот самый старик, который едва не умер днем. Рядом с ним сидел молодой человек, видимо, его сын, обхватив ногу. Лицо его было бледным, лоб покрыт холодным потом. Голень была вывернута под неестественным углом — явный перелом, а рана вокруг уже почернела и распухла, что говорило об инфекции.

Юноша сжал зубы, в его глазах читалось отчаяние.

Сердце Су Чэ упало. При такой нехватке лекарств и ужасных условиях подобная инфекция и перелом были практически смертным приговором.

Он снова засомневался. Помочь — значит рискнуть: его могут принять за колдуна, да и успех не гарантирован. Не помочь — он не сможет простить себя.

В конце концов, он медленно подполз к ним.

— Не трогай его, — голос Су Чэ все еще был хриплым, но в нем звучало не допускающее возражений спокойствие. — У него сломана кость, а в рану попала инфекция. Если ничего не предпринять, в лучшем случае он останется калекой, в худшем — не выживет.

Юноша резко поднял голову, глядя на него с опаской и безнадёжностью:

— Ты... что ты задумал?

— Я врач, — спокойно произнес Су Чэ, словно это звание могло пробиться сквозь арестантскую робу и придать ему сил и достоинства. — Поверь мне, возможно, у него появится шанс. Не поверишь — он не протянет и двух дней.

Юноша посмотрел в необычайно ясные и спокойные глаза Су Чэ, потом на умирающего отца и, наконец, с покрасневшими глазами тяжело кивнул.

Су Чэ велел ему найти прямые палки и прочные стебли травы, а сам продолжил искать лекарственные растения. Он нашел немного дикой хризантемы и одуванчика, обладающих антибактериальными свойствами, и даже, к счастью, немного полыни.

С помощью юноши, который все еще сомневался, Су Чэ промыл рану дождевой водой (проигнорировав испуганные возгласы о том, что от воды рана сгниет), приложил разжеванные травы и закрепил все это импровизированной шиной из палок и стеблей.

На протяжении всего процесса движения Су Чэ были профессиональными и сосредоточенными. Он полностью погрузился в роль врача, на время забыв о холоде, голоде и собственном положении. Его невозмутимость и методы обработки раны, явно отличавшиеся от того, что делали обычные люди, заставили окружающих ссыльных замереть в изумлении.

Слух, словно на крыльях, пополз по отчаявшейся колонне.

— Тот парень по фамилии Су... он что, и правда врач?

— Он дал моему отцу воды...

— Он вправил ногу сыну старика Ли, выглядит довольно умело...

Нашлись смельчаки, которые в местах, скрытых от глаз стражи, тайком подбирались к Су Чэ, умоляя помочь с их недугами. У кого-то была обычная диарея, у кого-то гноящиеся раны, у кого-то кашель и жар.

Су Чэ никому не отказывал. Он не мог дать лекарств, но, опираясь на ограниченные знания полевой медицины и передовые методы, давал советы: какие травы можно жевать и прикладывать, что воду нужно кипятить и остужать перед питьем, а при жаре обтираться влажной тканью...

Он стал слабым, но упорно горящим огоньком в этом царстве отчаяния.

Однако он не знал, что на возвышенности вдалеке за всем этим наблюдали холодные глаза.

Сяо Юй не уехал.

Ситуация на границе была сложной, и путь колонны ссыльных как раз пролегал по краю охраняемой зоны. Он совершал плановый объезд и остановился здесь, чтобы выслушать доклад капитана пограничного гарнизона. Его временный шатер стоял на склоне, откуда открывался отличный вид на лагерь ссыльных у подножия горы.

Он стоял, заложив руки за спину, и черный плащ слегка развевался на ночном ветру. Командир личной охраны Цинь Фэн молча стоял позади.

— Ванье, ссыльные размещены у подножия. По графику завтра после полудня они прибудут на Заставу Чёрного Камня для передачи, — доложив дела, капитан заметил, что взгляд Ванье прикован к лагерю, и добавил: — По дороге почти треть этих преступников погибла, оставшиеся — на пределе сил.

Сяо Юй не ответил. Его взгляд был сосредоточен на худой фигуре в тяжелой колодке, которая постоянно была в движении.

Он видел, как этот юноша борется за жизнь, как просит воды для старика, как прикладывает к своим ранам травы, и особенно — как профессионально и сосредоточенно он обрабатывал рану тому молодому человеку.

Такие движения, такое самообладание в критической ситуации — это никак не подобало сыну мелкого чиновника шестого ранга. Да и ни один лекарь, которого он знал, не действовал подобным образом.

— Тот человек, — голос Сяо Юя был низким и холодным, как звон стали, — выяснили, кто он?

Цинь Фэн сделал шаг вперед и тихо доложил:

— Докладываю Ванъе, предварительно установлено, что это сын опального чиновника Су Вэньюаня, Су Чэ. Семнадцать лет, слаб здоровьем, молчалив, никаких особых талантов не имеет. До падения семьи Су планировался брак с домом помощника министра чинов Линя, но не состоялся.

— Никаких особых талантов? — переспросил Сяо Юй. Тон был ровным, но у Цинь Фэна по спине пробежал холодок.

— Я виноват! Немедленно проведу тщательное расследование! — тут же отозвался Цинь Фэн. Он и сам заметил странности в поведении юноши. Результаты расследования явно расходились с реальностью.

Сяо Юй снова посмотрел вниз.

Су Чэ как раз давал указания ссыльному, как заварить найденные травы, и вдруг, подняв голову, словно случайно взглянул в сторону склона.

Ночь сгущалась, свет факелов неровно дрожал.

Между ними было огромное расстояние, пронизывающий холодный ветер и тяжелая ночная мгла.

Су Чэ не мог разглядеть человека на возвышенности, лишь смутный, давящий черный силуэт, похожий на притаившегося в темноте зверя.

Но он чувствовал, что этот ледяной, пронзительный взгляд снова устремлен на него.

Холоднее дождя, тяжелее колодок.

Он невольно вздрогнул, и то слабое тепло, что появилось от занятий медициной, мгновенно улетучилось.

Сильное предчувствие охватило его — этот Ванъе заметил его.

Это не конец, и даже не начало конца.

Возможно, это конец начала.

Его путь к выживанию, казалось, благодаря нечаянно проявленным медицинским навыкам,

получил проблеск света, но в то же время привлек еще более непредсказуемую опасность.

Он медленно опустил голову, продолжая жевать горькие травы, в то время как в его душе бушевал шторм.

<http://bllate.org/book/18642/1795434>